

БИБЛИОТЕКА ПРОЕКТА **БОРИСА АКУНИНА**

«ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА»

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
«ЖАНРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА»

и

БОРИС АКУНИН

представляют

**БИБЛИОТЕКА ПРОЕКТА
«ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА»**

ВАЛЕНТИН ИВАНОВ

Русь изначальная

Русь Великая

ПАВЕЛ ЗАГРЕБЕЛЬНЫЙ

Евпраксия

Ярослав Мудрый

АНТОНИН ЛАДИНСКИЙ

Голубь над Понтом

ВЕРА ПАНОВА

Сказание об Ольге

БОРИС ВАСИЛЬЕВ

Вещий Олег

Владимир Красное Солнышко

ВАСИЛИЙ ЯН

Чингисхан

Батый

ИСАЙ КАЛАШНИКОВ

Жестокий век

ВАЛЕРИЙ ЯЗВИЦКИЙ

Иван III — государь всея Руси. Т. 1–2

АЛЕКСЕЙ ЮГОВ

Ратоборцы

БИБЛИОТЕКА ПРОЕКТА **БОРИСА АКУНИНА**

«ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА»

ВАЛЕРИЙ
ЯЗВИЦКИЙ

ВОЛЬНОЕ ЦАРСТВО
♦
ГОСУДАРЬ ВСЕЯ РУСИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Я40

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Библиотека проекта Бориса Акунина
«История Российского государства»
издается с 2014 года

Серийное оформление — *Андрей Фerez*
Дизайн переплета — *Яна Половцева*

Язвицкий, Валерий Иоильевич.

Я40 Вольное царство. Государь всяя Руси : [кн. 4-5 романа «Иван III — государь всяя Руси»] / Валерий Язвицкий. — Москва: Издательство АСТ, 2015. — 832 с. — (Библиотека проекта Б. Акунина «История Российского государства»).

ISBN 978-5-17-092743-2

Библиотека проекта «История Российского Государства» — это рекомендованные Борисом Акуниным лучшие памятники мировой литературы, в которых отражена биография нашей страны, от самых ее истоков.

Легендарный роман «Иван III — государь всяя Руси» освещает важнейшие события в формировании русского государства; свержение татаро-монгольского ига, соби- рание русских земель, преодоление княжеских распрей. Иван III — дед знаменитого Ивана Грозного. Этот незау- рядный политический деятель, который сделал значитель- но больше важных политических преобразований, чем его знаменитый внук, всё же был незаслуженно забыт своими потомками. Книга В. Язвицкого представляет нам государя Ивана III во всём блеске его политической славы.

В данный том вошли книга четвертая «Вольное цар- ство» и книга пятая «Государь всяя Руси».

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-092743-2

© В. Акунин, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ
ВОЛЬНОЕ
ЦАРСТВО

Глава 1

Новые смуты новгородские

Осенью тысяча семидесятого года прибежал из Новгорода на Москву Афанасий, сын Братилов. Живет он там у Федорова Ручья и держит на Торге возле церкви Ивана Предтечи на Опоках малую лавицу. Рукодельем златокузнечным торгует Афанасий: крестами тельными, серьгами да кольцами, которые сам льет и кует из серебра и золота.

На Москву же прибежал он, чтобы довести великому князю о смуте и злых умыслах новгородских, о том, что своевольно заправлять делами веча стали буйные ватаги сыновей именитых богатейших бояр, а душа всего своеволия – вдова посадника Исака Борецкого Марфа и сыновья ее. С ней же и многие бояре и вдовы бояр богатых властвовать хотят в Новгороде Великом...

Все это сказывал Афанасий ранее дьяку Курицыну, а ныне, стоя перед государем в покоях его, повторял с горестию душевной, но твердо и даже строго, своим новгородским говором:

– Сии бояре и млади-своевольники, суды захватив, судят несправедно. Посулы берут с виноватых, а безвинных грабят, отбирая именья их, самих же в цепи куют, продают

в рабство. В величественных хоромов каменных у самой Марфы Борецкой всяк день пиры и пьянство великое. У ворот же, почитай, день и ночь толкуются всякие бездельники и всякие пропойцы, которые, денег ради и пьянства, горлопанят и драки чинят на вече...

Иван Васильевич молчал, нахмутив брови, но когда взглядывал на худощавого и жилистого Афанасия Братилова, в глазах его вспыхивал ласковый огонек. Испытанный мужик Афанасий, дяку Бородатому еще при Василии Васильевиче честно служил и теперь служит. Нравились Ивану Васильевичу и руки Афанасьевы – складные, умелые, с длинными пальцами, которые ловко работают всякую тонкую работу. Видал не раз государь изделия Афанасия Братилова и весьма одобрял их.

– Ох, государь, – продолжает Братилов, – сорят деньги-то Борецкие без меры и счета...

– Не свои, чаю, сорят, – перебил его государь.

– Не свои, истинно, государь, – подхватил Афанасий, – свои-то в подвалах под замками хоронят. Сорят токмо грабленное судами неправедными да тем, как в народе бают, что в соборе Святой Софии крадено.

– Как в соборе Святой Софии?! – воскликнул Иван, и глаза его стали страшными. – Что же владыка-то Иона смотрит?

От этого грозного крика Афанасий оторопел, но, быстро оправившись, молвил:

– Не пойман, – не тать, бают, а он, казначей-то софийской казны, богопротивный пес Пимен, никем не пойман. Хоть и монах он, а нечестив вельми и вор-изменник пред тобой, государь! Крадет он церковную казну тайно для ради измены Марфы окаянной.

– Блудница сия, – гневно молвил Иван Васильевич, – в старости себя не блюдя, для ради власти на все непотребства идет, стыда не ведая.

– Истинно, истинно, государь! – тоже гневно подхватил Афанасий. – Вдова сия срамна и ни денег, ни чресел своих не пожалеет для приработка своего, на измену идет Руси и вере святой православной! Вести есть, что Марфа измены

ради против Москвы и всея Руси, сплетясь лукавыми речами с князьями литовскими, хочет, чтобы король Казимир выдал ее за того пана литовского, который был бы от короля наместником в Новомгороде. Сим она блазнит себя, мыслит от королевского имени без Москвы всем Великим Новымгородом самовластно править.

Иван Васильевич все еще с гневным лицом обернулся к дьяку Курицыну и глухим, хрипловатым голосом спросил:

– Слышишь, Федор Василич, что там деется?

– Далеко зашла измена, государь, – мрачно ответил Курицын, – ни увещевания отца митрополита, ни доброта твоя и миролюбие никакой пользы не дают.

– Государь великий, – не выдержав, вмешался Афанасий, – все бояры новгородские и жены блудливые и лукавые мыслят, что малоопытен ты. Миролюбив же ты не по милосердию своему, а из страха перед ними...

Афанасий вдруг оборвал свою речь в смятении – так грозно глянули на него глаза государя...

– Восемь лет щажу их, – молвил Иван Васильевич, – ныне же покараю их без милости. – При этих словах он встал со скамьи и, пройдясь молча несколько раз по покою своему, промолвил: – Идите, а яз один обо всем подумаю. Ты же, Федор Василич, прими Афанасия не только как гостя, верного нам, но верного и всей Руси православной...

Афанасий Братилов, земно кланяясь, сказал:

– Спаси ты Бог, государь, живи ты многие лета...

– Днесь же, Федор Василич, – продолжал великий князь, – вестников пошли в Новгород к дьяку Бородатому, дабы гнал на Москву, на думу с нами.

Октября двадцать восьмого дня, на Ненилу-льняницу, когда бабы лен мять начинают, пригнал на Москву из Новгорода дьяк Степан Бородатый. Через топи и грязи осенние ехал он по лесным дорогам, устал, изнемог, но не зря: вести у него были весьма важные и тревожные.

Великий князь радостно встретил старого дьяка, которого знал и уважал с юных своих лет. Дьяк этот читал грамоты и летописания новгородские еще на Ярославом дворце при великом князе Василии Васильевиче. Чтил его Иван

Васильевич особенно за то, что знал и помнил Степан Тимофеевич все злоумышления и все хитрости новгородцев.

Принимал государь дьяка Бородатого у себя в покоях, сидя за трапезой сам-пят. За столом уже были: княгиня Марья Ярославна, дьяк Федор Курицын и Ванюша, которому пошел уж тринадцатый год, и был уж он у отца соправителем.

– Ну, Степан Тимофеевич, – вспыхивая острым взглядом, заговорил государь, – сказывай, что в городе наши делают, какое воровство умышляют?

– Немошным стал богомолец наш, архиепископ Иона, – ответил почтительно и с печалью старый дьяк, – слабеет рука его и во Пскове и в Новомгороде. Духовные-то новгородские мыслят, и яз мыслю, может, вборзе уж и жребий будут тянуть по старине^[1] у Святой Софьи.

– Что ж с ним, Степанушка? – спросила великая княгиня Марья Ярославна.

– Дряхлеет наш архиепископ, государыня, и на лике его печать уже смертная. Мыслю, к зиме сей представится.

– А на кого жребий вынуть метят? – спросил дед Курицын.

– Бают, на священноинока Феофила, мниха Пимена, казначея софийского, да на протопопа Лексея, а и то лишь промеж себя о сем шепчутся. Пимена-то, бают, Борецкие хотят, доброхот он их.

– Слыхал уж яз, – заметил Иван Васильевич, – о Пимене сем от Афанася.

– От Братилова? – спросил Бородатый.

– От него. Сказывал, будто тать сей Пимен. Казну соборную обкрадывает.

– Шепчут о сем в народе-то, а как разведать? Владыка же совсем немощен стал.

– Ну да сие не вельми важно, – перебил его великий князь, – скажи, истинно ли, что великие бояре, златопоясники новгородские, с королем Казимиром тайно ссылаются и под руку его хотят?

– Истинно сие, государь, – продолжал Степан Тимофеевич, – верно все, что про них мы тут баили. Токмо при молвлю к сему: обмануть нас хотят новгородцы, за неразумных нас почитают.

– Сие токмо к добру, – живо откликнулся великий князь, – пусть их так мыслят. Мы же, якобы веря им во всем и якобы не разумея их лжи и хитрости, упредим их во всех деяниях.

– Как же сие изделать, Иванушка? – спросила княгиня Марья Ярославна.

Иван Васильевич весело усмехнулся и, обратясь к сыну, молвил шутливо:

– А ну-ка, Ванюшенька, сказывай, как нам с новгородцами быть?

– Бить их надобно...

Все засмеялись, а государь ласково обнял сына за плечи и добавил:

– Пусть вороги наши тешатся сговорами да сборами. Мы же их, пока они тайно ссылаются, упредим – поодиночке бить будем, а первой всех Новгород, как Ванюшенька нам указывает.

После трапезы, когда стали сходиться званные к государю воеводы его, бывшие в то время в Москве, княгиня Марья Ярославна ушла с внуком в свои покои. Знала она, что сын не любит на военном совете людей, ратного дела не разумеющих.

Из воевод, кроме князя Юрия Васильевича, были: князь Иван Юрьевич Патрикеев, князь Федор Давыдович Стародубский-Пестрый, князь Иван Васильевич Стрига-Оболенский, князь Данила Дмитриевич Холмский, Борис Матвеевич Слепец-Тютчев, Василий Федорович Образец-Симский и Петр Федорович Челяднин. Государь хотя был весел и с виду спокоен, но кто знал его хорошо, видел по дрожанию рук, что взволнован он очень сильно. Поздоровавшись с воеводами, Иван Васильевич обратился к дьяку Борода-тому:

– Сказывай-ка всем, Степан Тимофеич, что ведаешь про воровство новгородское.

– Из того, государь, что яз в Новомгороде своими очами видел и своими ушами слышал, ясно: переметнуться хотят новгородцы к Литве и латынству. Сносятся Борецкие не токмо с Казимиром, а и с немцами и татарами.

– Верно, – добавил дьяк Курицын, – ведомо нам от Даниара-царевича, что Ахмат тайно ссылается и с ними и с крулем польским, круль же на нас и немцев подымать будет.

– И яз так мыслю, – продолжал Бородатый, – новгородцы же из бояр великих, как Борецкие, Лошинские, Есиповы, Ананьины и Афанасьевы, смуту сеют, наместнику государеву и дворецкому дерзко грубят, с веча прямо толпой приходят, а людей московских грабят и за приставы берут.^[2] Имя государево не доржат честно и грозно, а лают и бесчествуют. – Помолчал старый дьяк и добавил: – Они тебя, государь, не бояться и мыслят токмо, как бы заратиться с нами. Приказы твои не чтут, и митрополита Филиппа посланья в наук им нейдут. Когда яз был еще в Новомгороде, собирали они к тебе посла своего, посадника Василья Ананьина, якобы для ради земских дел и твоих жалоб, на деле же для ради сокрытия злоумышлений своих, дабы врасплох нас застать, к рати не готовыми.

– Когда ж Ананьин-то к нам будет? – спросил Иван Васильевич.

– Мыслю, государь, что дней через пять, а то и ранее.

– Встреть его, Степан Тимофеич, – перебил старого дьяка великий князь, – встретить почетно, якобы и впрямь боимся мы Новагорода, будто ни о чем не ведаем и не разумеем. – Государь помолчал и добавил, обращаясь к дьяку Курицыну: – А ты, Федор Василич, снаряди посла от нас с приказом вотчине нашей Пскову, дабы готовы были рать поднять на Новгород. Пускай посол наш о пищалях им скажет, дабы при надобности нам пищали у них при полках были. На всяк случай... – Иван Васильевич оглядел всех воевод и глухо спросил: – Разумеете, воеводы?

– Разумеем, – сразу ответили все. – Вороги, как волки коня, нас со всех сторон обступают.

– Новгород, – продолжал государь, – Польша, Литва, немцы, а Казань и Тверь нож за пазухой доржат. Ахмат и прочие татары всегда зла нам хотят, опричь крымских, которые пока сами Ахмата боятся. – Иван Васильевич помолчал, раздумывая, и продолжал снова, всё повышая голос: – Поодиночке-то все они не страшны нам, а ежели вот все они

соединятся воедино, не быть более Москве! Растопчут государство Московское, по частям раздерут!

Государь поднялся со скамьи так внезапно и быстро, что все вздрогнули от неожиданности и встали вслед за великим князем.

– Надобно нам вовремя пресечь злоумышления врагов наших, – продолжал Иван Васильевич, – токмо о сем и думайте, воеводы. Думайте, как сие сотворить. Ведайте, что надобно нам наивеликую ратную силу собрать немедленно. Полки собрать конные для похода и пешие для судовой рати, татар своих со всей конницей взять. Главное же – успеть нам приготовиться ранее врагов, быть сильнее новгородцев, пасть на них, как снег на голову.

Смолк великий князь и, оглядев всех воевод строгим взглядом, резко спросил:

– Разумеете?

– Разумеем, государь, разумеем...

– Все мои слова, – так же повелительно продолжал Иван Васильевич, – в тайне доржать надобно и женам даже своим их не доверять. К зиме воев и коней снарядите. Соберите и заготовьте сани, телеги, насады, лабды. Весной все принимать от вас буду. О походе же после того яз особо прикажу вам. Сей же часец клянитесь мне перед образами в хранении ратной тайны...

Все повернулись к образам, и каждый поодиночке поклялся громко, чувствуя на себе взгляд государя.

– Теперь идите, – властно проговорил великий князь, – яз же подумаю о всем еще с митрополитом и боярами.

Ноября второго прибыл в Москву от Новгорода посол, посадник Василий Ананьин, с несколькими боярами новгородскими, с житейными людьми и со слугами своими. Якобы по земским делам посол этот был послан и привез с собою ценные дары князю великому.

Ледостав в тот год был ранний – озера и болота везде уже замерзли, и даже многие реки стали, и посольство новгородское доехало быстро и хорошо.

Принимали послов у князя великого с почетом, в передней государя. Василий Ананьин был разодет в дорогие ип-

ские^[3] сукна и бархаты и опоясан золотым поясом, осыпанным драгоценными камнями. Богаче государя московского облачен был посадник новгородский и держал себя гордо и дерзко, а когда бояре государевы спрашивали его, почему Новгород, государева вотчина, не бьет челом ему в неисправленьях своих и прощенья не просит, он отвечал даже при великом князе высокомерно:

– О том Великий Новгород со мной не приказывал.

Побледнел великий князь при этих словах от обиды и грубости надменного посла от Господа, но не показал и виду, будто ничего и не слышал. Был ласков все время, принял дары от вотчины своей новгородской: два постава сукна ипского, два зуба рыбьих,^[4] двадцать золотых корабленников^[5] да бочку вина сладкого... Был весел и гостеприимен государь за столом. И только после трапезы, отпуская Василия Ананьина обратно в Новгород, поглядел суровым взглядом прямо в глаза ему – и смутился посол, а государь ему тихо, но внятно наказал:

– Повестуй вечу слова мои: «Исправьтесь, моя вотчина, сознайтесь, в землю и воды мои не вступайтесь, имя мое, великого князя, держите честно и грозно, а ко мне посылайте челом бить по докончанию, а яз вас жаловать буду и по старине доржать...»

Упрямо наведя брови, выслушал посадник новгородский слова государя, но, не смея перечить, низко поклонился и молвил:

– Волю твою исполню, доведу слова твои до веча...

Провожал посольство новгородское Степан Тимофеевич Бородатый с подьячими, писцами и со слугами своими. Как только ушел посол новгородский и разошлись бояре московские, подозвал государь дьяка Курицына и сказал:

– Надобно мне посла избрать для Пскова. Из бояр или дьяков, который найдобре мог бы на вече там баить...

– Сыщу, государь, – подумав, ответил Курицын, – из бояр, мыслю, Селивана можно, который уж ездил к псковичам, или Ивана Товаркова, а из дьяков – Якова Шибальцева...

– О сем подумаю, – перебил его Иван Васильевич, – ты же пока изготвь наставление для посла, дабы он лаской и

хитростью понудил псковичей, яко посредников, ссылаться с Новымгородом. Тянуть нам время-то надобно. Обсуди сие сам, а на вече моим именем сказывать токмо так: «Моя вотчина Великий Новгород не правит, а учнет мне бити челом и исправится, жаловать буду. А не учнет мне правити, и вы бы на их были со мной заодно...»^[6]

После отъезда Василия Ананьиного стали замечать печаль в лице государя, хотя непрестанно занят он был с дьяками и боярами подготовкой к войне с Новгородом. Глаз не спускал он и с того, что делается в Казани, и в Большой Орде у Ахмата, и еще более того следил за Литвой и ляхами. Становился государь с каждым днем суровее и строже. Задумывался иной раз, забывая о тех, кто был около него.

Ноября же тринадцатого завтракал он, никого к себе на думу не зовя. Тихо отворив дверь, нежданно вошел к нему дворецкий Данила Константинович и доложил:

– Иван Фрязин воротился из Рыма. Баит, лик грецкой царевны привез, на доске кипарисовой писанный...

Взглянул Иван Васильевич на дворецкого и молвил, вставая из-за стола:

– Время для меня настало, Данилушка, ножом себе сердце резать, душу себе из груди вынуть. Разумеешь ты сие?

Данила Константинович ничего не ответил и вдруг, забыв степень положения своего, обнял государя и поцеловал его в плечо.

– Запри дверь-то на крюк, – молвил великий князь, – сядь рядом, скажу тебе, что и как нам деять тайно.

– Государь, – тихо сказал дворецкий, – ране прикажу яз слугам никого к тебе не допускать, а Фрязину ждать.

– Верно, Данилушка, скажи Фрязину, пождет пушай в передней-то. – Иван Васильевич помолчал и добавил, сдвинув брови: – Да пусть он ништо никому не объявляет. Ждет моего приказа.

Оставшись один, задумался Иван Васильевич, зная не только о кознях Литвы и Новгорода, но и о приготовлениях к войне Ахмата и Казимира, а также предвидя возможность заговора братьев своих, которые на измену могут пойти.